

ББК 63.3(2)45-04

А.В. Очиров

**Из истории русско-калмыцких отношений:
шерстные записи XVII в.**

A.V. Ochirov

**On a History of Russian-Kalmyk Relations:
Oath of Allegiance of XVIIth Century**

Статья посвящена первоначальному этапу вхождения калмыков в состав Российского государства. На основе изученных источников и архивных данных автор исследует начало посольских отношений калмыков с Россией, вопросы вхождения в ее состав.

Ключевые слова: Калмыкия, посольские отношения, вхождение в состав России, история.

The article is devoted to an initial stage of Kalmyks' entry into the Russian state. On the basis of the studied sources and contemporary records, the author investigates the beginning of ambassadorial relations between Kalmyks and Russia, questions on its entry into Russia.

Key words: Kalmykia, ambassadorial relations, entry into Russia, history.

С началом первых посольских отношений с правительством Русского государства калмыки тесно связали свои судьбы с судьбами русского и других народов России. Однако те условия шерты, т.е. присяги, как выдача аманатов и выплата ясака, не могли полностью удовлетворить крупных калмыцких тайшей, считавших себя независимыми и полновластными владельцами своих улусов*. Понадобилось несколько лет взаимного общения, прежде чем были выработаны более приемлемые для обеих сторон условия. Но само начало русско-калмыцких переговоров, официально закреплявших дружественные отношения двух народов, имело большое значение. Результатом этих отношений стал завершившийся в течение полувека процесс добровольного вхождения формирующейся калмыцкой народности в состав Российского государства.

Предками калмыков были ойраты, прародиной которых являлась Центральная Азия. Территория кочевий ойратов простиралась на севере и северо-западе до пределов енисейских киргизов, на востоке до реки Селенги, на юге до отрогов Алтая и верховий Иртыша. Впоследствии ойраты были переселены на территорию Западной Монголии, где и проживали до откочевки в пределы России.

Основным способом ведения хозяйства ойратов являлось кочевое скотоводство, т.е. скот был главным

богатством. Во главе ойратов стоял хан – единственный владелец земли и пастбищных территорий. Социальная структура была представлена в виде нойонов, зайсангов – ойратских владельцев князей, простолюдинов – непосредственных производителей и духовенства. В административном отношении, ойратские владения делились на улусы, улусы – на аймаки, аймаки – на хотоны.

Ввиду стесненности территории, недостатка пастбищ, междоусобных распри и ряда других объективных причин в конце XVI – начале XVII в. некоторая часть ойратов покинула родные земли и стала постепенно продвигаться в западном направлении – в пределы Западной Сибири.

Первые сведения об ойратах, которых стали называть калмыками после их прихода на территорию России, встречаются в указе царя Ивана IV от 30 мая 1574 г. на имя Строгановых: «а когда станут в те крепости приходить... торговые люди бухарцы и калмыки... и иных земель с какими товары, и у них торговать повольно, беспощинно» (цит. по: [1, с. 31]).

Когда калмыки, двигаясь в северо-западном направлении, пришли в прямое соприкосновение с русскими людьми, начались первые официальные контакты между ними и русскими властями Сибири, а в дальнейшем и с российским правительством. В первой четверти XVII в. главным тайшой хошоутов являлся Байбагиш, у чоросов до 1635 г. – Хара-хула. Во главе торгоутов стоял тайша Урлюк, дербетскими улусами управлял Далай-Батыр.

Посольские отношения с Россией стали складываться в начале XVII в. Первые посланцы появились возле сибирского г. Тара в 1604 г., но тарские власти

* Условиями принесения шерты являлась выдача аманатов и уплата ясака. Выдача аманатов – выдача аристократического заложника российской стороне как гарант исполнения присяги. Уплата ясака (налог) производилась скотом. Первоначально шерты приносились устно, первая письменная шерть была принесена в 1655 г.

встретили гонцов настороженно. Следующее посольство было организовано в 1606 г., послы Хо-Орлюка вели в Таре переговоры о разрешении кочевать по рекам Иртышу и Камышлову и установлении торговых отношений. Связавшись с Москвой, воевода Тары получил указание сообщить послам, что правительство России готово разрешить калмыкам кочевать, также торговать в сибирских городах. Основным условием было соглашение стать поданными русского государства.

Проведенные переговоры оказались настолько выгодными для калмыков, что летом 1607 г. в Тару прибыло посольство от дербетов во главе с тайшой Кугонаем Тубеевым. От себя лично и от имени других тайшей своего посольства он шертовал в том, что все калмыцкие тайши принимают подданство, в знак чего готовы платить дань скотом. На что российское правительство сообщило, что берет их под свое покровительство и обещает им защиту от врагов (ногаев, казахского жуза и Алтын-хана), разрешает кочевать вверх по Иртышу и свободно приезжать в Сибирь для торговли. Также встречным шагом российского правительства стало соглашение о взимании ясака с калмыков скотом – лошадьми и верблюдами. Для окончательного оформления присяги калмыков пригласили прибыть лично в Москву.

Осенью 1607 г. состоялось очередное посольство калмыцких князей. В Тару прибыли четыре посла, представлявшие калмыцких тайшей – Далай-Батыра, Кугоная Тубеева, Юрикта Конаева, Шевгея Урлюкова. Тайши подтвердили согласие быть русскими подданными, платить ясак лошадьми и верблюдами.

Одновременно вместе с посланцами в Тару явилась для торговли группа калмыков, пригнавших около 500 лошадей. Им было разрешено беспошлинно обменять или продать лошадей в Таре, чем было официально положено начало русско-калмыцкой торговле.

Согласно указаниям российского правительства, воевода Тары направил калмыцких послов в Москву. 7 февраля 1608 г. послы были на приеме у дьяка Посольского приказа Василия Телепнева. 14 февраля 1608 г. послы были приняты царем Василием Ивановичем Шуйским. Это было первое посольство от калмыцких тайшей, посетившее столицу Русского государства. От имени Далай-Батыра, Изенея и других тайшей они согласились принять русское подданство, просили о защите от недругов, разрешении кочевать по Иртышу, Оми и Камышлову [2, №3, с. 24–27]. Русские власти обещали выполнить все пожелания калмыцких тайшей. В этом же году принять русское подданство выразила желание и торгоутская группировка Хо-Орлюка.

Для воеводы Тары российское правительство направило рекомендации по приведению к шерти калмыцких тайшей и предписало направить послов к тайшам Изенею, Далай-Батыру и Урлюку, привести

их еще раз к шерти, потребовать от них заложников и ясак. С этой целью предписывалось главным тайшей призвать в Тару, а для принятия шертей от младших тайшей рекомендовалось построить специальный городок – на Оми или Камышлове.

Со своей стороны правительство обещало калмыкам кочевать свободно и приезжать для торговли не только в Тару, но и в Тобольск, Тюмень, Уфу, Казань и Москву. Указанная грамота обязывала местные власти пропускать без задержки и обеспечивать калмыков в случае нужды подводами и провожатыми.

Российское государство было заинтересовано в наметившемся сотрудничестве с калмыками. Не располагая на востоке достаточной вооруженной силой, российское правительство избегало обострения отношений с местными народами, кочевавшими близ русских владений или в их пределах. Государство преследовало свои цели, прежде всего оно было заинтересовано в обеспечении безопасности обширной сибирской территории. Именно поэтому в последующих присягах правительство повелевает тарскому воеводе отправить к Далаю, Урлюку и другим тайшам служилых людей и привести владельцев к шерти.

Новые условия подданства были даны в новой грамоте правительства, направленной тарскому воеводе И.В. Масальскому 20 августа 1609 г. Калмыкам был разрешен свободный торг в сибирских городах, тайшей и их представителей повелевалось беспрепятственно пропускать в Москву, обеспечивая продовольствием и транспортом [2, №8, с. 34–37].

Отметим здесь одну особенность грамоты 1609 г. Если предыдущие переговоры русское правительство вело с представителями дербетовских и торгоутских улусов по отдельности, то грамота 1609 г. была обращена ко всем калмыкам, независимо от их улусной принадлежности.

Присяги 1607 г. (июнь и сентябрь), 1608 г. и переговоры с тайшами в 1609 г. явились событиями большого исторического значения. Они положили начало процессу добровольного вхождения калмыков в состав Российского государства, завершение которого приходится на конец пятидесятых годов XVII в.

Новая династия Романовых, утвердившаяся на русском престоле, также была заинтересована в упрочении русско-калмыцких отношений. В 1613 г. в Таре вновь появились послы тайшей Далай-Батыра и Тургеня. В 1615 г. Далай, Урлюк и другие тайши дали шерть на подданство русскому царю. На следующий год в калмыцкие улусы было направлено большое посольство во главе с Тоимой Петровым. Калмыки подтвердили свое согласие быть подданными Русского государства и вновь подняли тему о свободном пропуске их послов и торговых людей во все сибирские города.

В вопросе о кочевьях калмыцкая знать отдавала решение на усмотрение русских властей, не выражая

каких-либо претензий на сей счет. Зная о притеснениях калмыков со стороны Алтын-хана, русское правительство не настаивало на сборе ясака и выдаче заложников. Также состоялась поездка калмыцких послов в Тобольск с целью возможной отправки представителей калмыцких тайшей в Москву для принесения шерти на подданство перед правительством Михаила Федоровича Романова. Новая династия царей стремилась утвердить свое положение в стране, добиваясь пересмотра и нового оформления внешнеполитических договоров.

Главным результатом переговоров 1618 г. было издание Жалованной грамоты царя Михаила Федоровича тайше Далаю Батыру. В данной грамоте не было упоминаний о заложниках и ясаке. Отныне сибирским воеводам предписывалось «быть со всею Колматскою ордою в любви и дружбе», оберегать ее торговых людей. Идя навстречу пожеланиям калмыцких тайшей, русское правительство проявляло реализм, мудрость и дальновидность, что должно было сыграть положительную роль в дальнейшем сношении не только с калмыками, но и с другими кочевыми народами.

Первые взаимоотношения России с калмыками были отмечены принесением калмыцкими тайшами шертей на подданство Русскому государству, посещением калмыцкими послами Москвы и ответными посольствами от русского правительства в калмыцкие улусы. Обеспечение пастбищными территориями, развитие экономических связей с Русским государством и обороны от агрессивно настроенных соседей принуждали, в конечном счете, калмыков вновь обращаться к Русскому государству. Отклонения от этой линии не могли быть длительными и серьезными.

Со своей стороны царское правительство, исходя из своих интересов, стремилось к мирному разрешению пограничных споров и охотно принимало калмыцких тайшей. Вот почему возникавшие временами конфликты преодолевались сравнительно быстро и легко. Основным в этих отношениях было стремление к вхождению калмыков в состав Русского государства, в чем объективно, экономически и политически, были заинтересованы обе стороны.

Общая линия политики российского правительства по отношению к калмыкам в 20–40 гг. XVII в. была несколько более жесткая по сравнению с началом века. Если ранее в царских грамотах содержалось согласие на кочевку калмыков в Прииртышье, то уже в 1620 г. просьба тайшей на этот счет была отклонена и тобольскими, и московскими властями. И если в первые годы правительство настойчиво требовало от воевод сибирских городов и Уфы присылки калмыцких послов в Москву, то в последующие годы было предписано не допускать их до столицы.

С 20-х гг. XVII в. Уфа стала основным информационным центром по связям с калмыками. Туда многократно прибывали калмыцкие послы и купцы.

Правительство России, не разрешая калмыкам селиться вблизи Уфы, не возражало против их торговли в районе города и неоднократно указывало уфимскому воеводе поощрять торговлю с ними.

Несмотря на то, что между калмыками и Русским государством были налажены мирные посольские и торговые отношения, время от времени возникали вооруженные стычки. Причинами этих столкновений стали: неурегулированность многих важных вопросов жизни калмыцкого народа – вопрос о территории для кочевков, также разбой некоторых тайшей и прямые злоупотребления местных представителей русской власти, что наносило несомненный ущерб жизненным интересам калмыков.

В сентябре 1640 г. в урочище Шибегийн Улан-Бура у Тарбагатайских гор состоялся объединительный монголо-ойратский съезд [3, с. 36]. На съезде присутствовала монгольская, ойратская и калмыцкая знать. Съезд выработал и утвердил монголо-ойратские законы Ике Цааджин (Великое Уложение), в котором основное внимание было уделено юридическим гарантиям для предотвращения новых междоусобиц. После завершения съезда участники отправились к своим кочевьям, взяв с собой «Великое Уложение», постановлениями которого пользовались во взаимоотношениях между собой и другими тайшами, а также при управлении своими подвластными.

Феодалные войны, междоусобные распри и набеги на соседние народы обрекали калмыков на дополнительные лишения и страдания. Только переход в подданство России мог обеспечить калмыцкому населению гарантированную территорию для кочевий и более спокойную жизнь.

После возвращения Дайчина из паломнического визита в Тибет в конце 40-х гг. XVII в. политика русско-калмыцких отношений несколько изменилась – начало проявляться новое направление. Посольство Русского государства интересовало вопрос о возможности использования военной силы калмыков против Крыма. Решение этого вопроса должно было коренным образом изменить отношения Русского государства с калмыками, придать им форму военно-политического союза.

В 1648 г. Дайчин с 10-тысячным войском совершил поход против враждебных России малых ногаев. Калмыки побывали на Дону, установили с ногаями дружественные отношения и вернулись в свои улусы. Этот поход стал убедительной демонстрацией потенциальной возможности использования калмыцкого войска в борьбе с внешними врагами России. В 1649 г. Дайчин получил из рук царского посланца лист с пожалованием «в милости государевой». При этом в знак признательности и дружбы снял шапку, чего прежде калмыцкие князья не делали.

К середине XVII в. тема о кочевьях все более энергично и часто стала подниматься калмыцкой стороной

в переговорах с правительством. Русские люди, побывавшие в калмыцких улусах, говорили о стесненном положении калмыцких кочевий. Результатом стал пересмотр позиции русского правительства по вопросу о кочевьях в 1655–1657 гг., речь шла об окончательном оформлении перехода калмыцких тайшей в русское подданство.

Заключение военного союза создало благоприятные условия для решения территориального вопроса. В апреле 1655 г. он получил официальное оформление. После дополнительных переговоров, проведенных послами Дайчина в Москве, правительство 6 июля 1657 г. издало новую грамоту. По сравнению с грамотой 1655 г. она расширяла и конкретизировала пределы территории, предоставляемой калмыкам. Их кочевья могли простирались теперь по обеим сторонам Волги: «по крымской стороне до Царицына, а по ногайской стороне по Самару». Калмыкам разрешалась беспопышная торговля под Астраханью, Черным Яром, Царицыном, Саратовом и Самарой [4, с. 102, 104].

Весьма важным для русского правительства представлялся и вопрос о повинностях калмыков. Отказавшись от требования ясака, правительство решило в полной мере использовать их на военной службе.

Помимо разрешения территориального вопроса, шертные записи 1655 и 1657 гг. решали и другие задачи. Согласно шерти 1655 г., калмыцкие тайши со всеми своими улусными людьми обязались быть у русского царя в подданстве, по распоряжению русского правительства посылать свои войска, куда будет приказано. Всех пленных русских подданных необходимо было собрать по улусам и отдать в Астрахань. Калмыцким князьям запрещено было принимать к себе перебежчиков татарских мурз. Обе стороны обязались дать распоряжения своим подданным о прекращении взаимных набегов. Отличительной особенностью

шертной записи 1655 г. стало отсутствие требований о выдаче аманатов.

Шерт от 30 марта 1657 г. во многом повторяла предыдущие записи. Но были и существенные отличия, например, содержалось обязательство тайшей «с турецким салтаном и с крымским царем нам, тайшам и детям нашим и улусным нашим калмыком, в ссылке и в соединенье не быть». Так русское правительство попыталось ограничить свободу внешних сношений калмыков.

Изменилась выдача жалованья калмыцким тайшам: царское правительство назначило им ежегодное денежное довольствие.

Новым явлением стало обязательство давать в качестве аманатов двоюродных братьев и племянников калмыцкого тайши и двух-трех родственных людей.

1657 г. мы можем рассматривать как год завершения процесса добровольного вхождения калмыков в состав Русского государства. Этот год знаменателен еще и тем, что он положил начало их регулярной военной службе по призывам русского правительства. Значение 1657 г. как поворотного в истории русско-калмыцких отношений подтверждается и тем, что следующая шерть (от 8 июня 1661 г.) уже не касается вопроса о подданстве, так как последнее считалось само собой разумеющимся.

Правительство России, приняв шертные записи 1655 и 1657 гг., зафиксировало за калмыками обширные земельные пространства, чем были созданы благоприятные условия для завершения формирования калмыцкой народности и создания калмыцкой национальной государственности.

Государственные акты второй половины XVII в. подвели итог процессу добровольного вхождения калмыков в состав России. На всем его полувековом протяжении русско-калмыцкие отношения складывались преимущественно как дружественные, и это их свойство постоянно усиливалось.

Библиографический список

1. Эрдниев У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. – 3-е изд. – Элиста, 1985.
2. Русско-монгольские отношения в 1607–1636 гг. : сб. документов. – М., 1959.
3. Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г. Дополнительные указы Галдан-хунтайджи и законы, со-

- ставленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. – СПб., 1880.

4. Кичиков М.Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование калмыцкого государства в составе России. – Элиста, 1966.